

ЖИЗЕЛЬ ИЗ МАРСЕЛЯ

ЛИН ШАРЛЬ: «В России фантастические балетные традиции, но устаревшая система подготовки танцоров».

Года два назад в Вильнюсе гастролировала французская труппа Мориса Бежара «Балет XX века». Лин Шарль исполнила тогда главную партию в его композиции «Вальс Мефисто», «Любовь и смерть», «Мальтракс». Поездка по Советскому Союзу была последними гастролями «Балета XX века». Труппа распалась. Бежар уехал в Лозанну. Чуть позднее за ним последовала часть танцоров бывшей труппы, остальные разбрелись по свету. Лин Шарль переселилась в Марсель, однако и поныне остается одной из основных балерин Бежара, часто танцует в Лозанне. На вопрос, отчего она не работает и не живет там постоянно, Лин Шарль ответила, что ее не устраивает жизненный уровень в Швейцарии. Что ж, артисты цивилизованного мира сами выбирают себе не только театр, но и страну. Сами выбирают систему танца. Возможно, поэтому большинство из них универсальны, успешно сочетают классику и современный танец. Можно только позавидовать. У литовских танцоров балета есть лишь одна — Вильнюсская хореографическая школа, где до сих пор преподают только классику. В театре почти то же самое. Такая ситуация — порождение советской системы

подготовки танцоров балета.

Свою беседу с Лин Шарль, недавно танцевавшей партию Жизель в спектакле театра оперы и балета, я начал с наиболее волнующей меня темы:

— Что победит в театре танца — девятнадцатый или двадцатый век! Классический танец — это реликт прошлого или лучшее сочетание движения и музыки всех времен!

— Классические балеты, несомненно, всегда будут в репертуаре той или иной труппы. Однако в наше время классический балет значительно отличается от его первоисточков. Время сделало свое дело. Парадокс — в театре двадцатого века осталось меньше театральности, чем в прошлом столетии. Скажем, оперные певцы на сцене, Боже сохрани, не осмеливались прикасаться друг к другу. Сегодня на оперной сцене можно видеть даже объятия. На театральное искусство во многом повлияло кино. Игра присутствует и там, и тут. Актеры те же. Но кино приближает к человеческой действительности, представляя ее фрагментами. Меняются актерские навыки. Действительность, игра, отражающая ее, не могли не проникнуть в театр. Как и в балет. Нас больше не удивляет горящая сигарета во рту современного балетного персонажа, а попробуйте представить себе затягивающегося дымом Альфреда... Другая причина перемен — обогатился язык классического танца.

В этом заслуга Баланчина и других неоклассиков. Баланчин — этот Петипа двадцатого века — своим творчеством расширил выразительные возможности балета, усовершенствовал артистический инструмент — тело. Танцоры стали разнообразнее, гибче. Даже в смысле физических данных Анна Павлова, Уланова, Дудинская были ниже и плотнее, чем современные балерины. Для них характерна и иная манера игры — более сентиментальная. Улучшилась техника пальцев. Видя на сцене высокую, рослую балерину, трудно поверить, что такая Жизель легко поддается чарам Альберта. Если же балерина использует игровые средства столетней давности, ее героиня и выглядит столетней старушкой. Сегодняшней Жизели необходимы черты нашей современницы. Взгляните — их так много вокруг. От прежней романтической мечтательницы осталось одно название. То же самое произошло и с другими спектаклями, считающимися классическими.

— У нас в стране часто можно услышать, что русская балетная школа — лучшая в мире. Того же мнения придерживаются и о советском балете. Между тем западные балетные школы и направления игнорируются.

— И русский, и западный балет имеют хорошие качества, надо только перенимать их друг у друга. Западные танцоры более выразительны, технически более совершенны, но зато русский балетный театр сохраняет фантастические традиции, в нем еще жив истинный театральный дух. Это одна из причин, побуждающих меня приезжать в СССР. Конечно, сегодняшние реалии ворвутся и в русский балет, он станет более современным. Беда в том, что тела ваших танцоров развиваются по устаревшей системе, поэтому не всегда годятся для постановщиков современных танцев.

— Я, должно быть, не ошибусь, сказав, что вам везет. Вы работали с известнейшими мастерами балета современности: Ноймайером, Баланчиным, Бежаром. Это сложные и очень разные личности.

— Ноймайер — великий балетный режиссер, его конек — современные драм-балеты. Творчество Бежара — театр в самом широком смысле слова:

танец, музыка, голос, декорации, освещение, сюжет, режиссура, магическое соединение всех сфер искусства. Бежар — чудотворец танцевального театра. Баланчин прежде всего хореограф, создатель па. Именно поэтому, мне кажется, для грядущих поколений, для балета будущего он будет иметь большее значение, чем Бежар. Впрочем, это субъективная оценка.

— А если еще субъективнее! Встречи с гениями ведь оставляют след.

— Не знаю, можно ли это охарактеризовать в словах. С У Баланчиным я работала недолго. Ноймайер вывел меня на широкую дорогу и показал, куда идти, не сказав, однако, кто я такая. Бежар предупредил меня, что существуют обочины, довел по дороге до конца. Он расставил все точки над «i», открыл мне всю правду обо мне самой, моих способностях. Это не всегда приятно. Бежар доказал мне, что внешний вид для танцора — не самое главное. Благодаря Бежару я такова, какой вы видите меня в его балетах и на этот раз — в «Жизели».

— В начале беседы вы сказали, что вас не устраивает жизненный уровень в Швейцарии, поэтому вы работаете в Марселе. К сожалению, со-

Танцует Лин Шарль.

В этом заслуга Баланчина и других неоклассиков. Баланчин — этот Петипа двадцатого века — своим творчеством расширил выразительные возможности балета, усовершенствовал артистический инструмент — тело. Танцоры стали разнообразнее, гибче. Даже в смысле физических данных Анна Павлова, Уланова, Дудинская были ниже и плотнее, чем современные балерины. Для них характерна и иная манера игры — более сентиментальная. Улучшилась техника пальцев. Видя на сцене высокую, рослую балерину, трудно поверить, что такая Жизель легко поддается чарам Альберта. Если же балерина использует игровые средства столетней давности, ее героиня и выглядит столетней старушкой. Сегодняшней Жизели необходимы черты нашей современницы. Взгляните — их так много вокруг. От прежней романтической мечтательницы осталось одно название. То же самое произошло и с другими спектаклями, считающимися классическими.

— У нас в стране часто можно услышать, что русская балетная школа — лучшая в мире. Того же мнения придерживаются и о советском балете. Между тем западные балетные школы и направления игнорируются.

— И русский, и западный балет имеют хорошие качества, надо только перенимать их друг у друга. Западные танцоры более выразительны, технически более совершенны, но зато русский балетный театр сохраняет фантастические традиции, в нем еще жив истинный театральный дух. Это одна из причин, побуждающих меня приезжать в СССР. Конечно, сегодняшние реалии ворвутся и в русский балет, он станет более современным. Беда в том, что тела ваших танцоров развиваются по устаревшей системе, поэтому не всегда годятся для постановщиков современных танцев.

— Я, должно быть, не ошибусь, сказав, что вам везет. Вы работали с известнейшими мастерами балета современности: Ноймайером, Баланчиным, Бежаром. Это сложные и очень разные личности.

— Ноймайер — великий балетный режиссер, его конек — современные драм-балеты. Творчество Бежара — театр в самом широком смысле слова:

танец, музыка, голос, декорации, освещение, сюжет, режиссура, магическое соединение всех сфер искусства. Бежар — чудотворец танцевального театра. Баланчин прежде всего хореограф, создатель па. Именно поэтому, мне кажется, для грядущих поколений, для балета будущего он будет иметь большее значение, чем Бежар. Впрочем, это субъективная оценка.

— А если еще субъективнее! Встречи с гениями ведь оставляют след.

— Не знаю, можно ли это охарактеризовать в словах. С Баланчиным я работала недолго. Ноймайер вывел меня на широкую дорогу и показал, куда идти, не сказав, однако, кто я такая. Бежар предупредил меня, что существуют обочины, довел по дороге до конца. Он расставил все точки над «i», открыл мне всю правду обо мне самой, моих способностях. Это не всегда приятно. Бежар доказал мне, что внешний вид для танцора — не самое главное. Благодаря Бежару я такова, какой вы видите меня в его балетах и на этот раз — в «Жизели».

— В начале беседы вы сказали, что вас не устраивает жизненный уровень в Швейцарии, поэтому вы работаете в Марселе. К сожалению, со-

ветские артисты о таком выборе могут только мечтать. Не говоря уже о быте, заработках.

— Вы ошибаетесь. Моей зарплатой едва хватает на то, чтобы уплатить за квартиру, массаж, грим, специальную балетную одежду, обувь. Многие на Западе относятся к нашей профессии с пренебрежением. Конечно, жизнь «звезд» — Макаровой, Барышниковой, Нуриева — слаще. Вы жалуетесь на нехватку творческой свободы. Нас же преследуют другие проблемы. Да, у нас есть возможность выбора, однако в таком случае ты обязан объективно оценивать себя и четко понимать, чего хочешь. Артисты часто меняют труппы. Значит, в одном месте собираются случайные люди, которых ничто не связывает. Отношения между артистами неважные, в лучшем случае — холодные.

— Вы хотите сказать, что не стоит жаждать свободы!

— Не совсем так. Я хочу сказать, что нет гарантий, что, став благодаря нынешним бурным событиям свободными, вы не столкнетесь с нашими проблемами. Может случиться так, что, перескочив барьер, вы сами измениться не сможете. А тогда может охватить еще более страшная апатия.

Визит Лин Шарль вызвал оживление в труппе театра оперы и балета. Это было как бы отблеском иной балетной культуры. Насколько помнится, она единственная из всех гастролировавших в Вильнюсе прибыла почти за неделю. Это хорошее качество. У артиста должно быть время для знакомства с труппой, сценой. Мнения о танцевальном и игровом искусстве Лин Шарль весьма различны. Ясно одно — равнодушных мало. Балерине понравилась наша труппа (кстати, она еще несколько раз должна была танцевать в вильнюсском театре, но единственный Госконцерт в последний момент менял маршрут гастролей). В последний день пребывания Лин Шарль призвалась, что она охотно приехала бы в Вильнюс еще раз, если только руководство театра сможет ее пригласить (увы, насколько я знаю, без посредничества Москвы мы пока не можем обойтись). Она сказала, что могла бы поработать и дольше — две-три недели.

А. ИМБРАСАС.

Танцует Лин Шарль.

Фото С. Балтрамайтиса.